

1/2011

зелёное утро

зелёное утро

1/2011

в номере:

проза

Леонид Дроздов · 3
ДОЖДЬ ДЛЯ НАС · 7

СТИХИ

Татьяна Романова (Захаренкова) · 11

создано в СССР

Так и начиналась мистика того лета. Стремление разгадывать загадки вынуждало нас их придумывать. Горожане с пакетами овощей расплывались от летнего зноя под пеленой обывательщины, неверия и ограниченности. То есть никакой мистики не было: по правилу правой руки разъезжались облака в небе, не напоминая ни барсов, ни колдунов, ни профили Гераклов. Июнь в Таллине — сплошные туристы, пошлость, пивные фестивали, ратуша.

На дачах пылились стопки «Науки и жизни» (в них было все давно известно, и даже то, что ещё не было прочитано), летели мелкие пустые прозрачные дни лета, как семена одуванчика.

И все же нас связывало что-то эфемерное мистическое, тогда ещё не осознанное. Нечто тянущееся откуда-то из зазеркалья — из Санта-Барбары, заокеанских олимпийских игр, первых музыкальных клипов с MTV. Это спланивало, собирало семьи и даже воодушевляло. По вечерам включали телевизоры, садились, а за окном всё поглощала тёплая темнота, и мы оттуда должно быть странно смотрелись, как мотыльки на лампочке.

По черно-белым телевизорам иногда приходилось бить, они за это перегревались и быстро пылились. Пыль на экране считалась погрешностью, признаком неуважения к другим членам общества... Её все стирали по-разному: кто педантично слева направо рядами, кто художественно концентрическими кругами от центра экрана, а кто вообще черт знает как. Но! Теперь все это кончилось. Мистическая ниточка привела к тому, от чего по ней все бежали — собственной ограниченности, обывательщине и неверию.

Кто-то ещё остался вглядываться в зазеркалье, не находя там ни ответа, ни успокоения, и с трудом пытаюсь поверить вновь, что оно там есть...

зелёное утро

Теперь те времена смотрятся, как напёрстки в привокзальной игре, под которыми мы как-то раз жили. Зато в облаках снова плывут колдуны, Гераклы и снежные барсы...

ПОЛНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Все оттенки серого были ему к лицу. Не знаю как часто и как долго он стоял перед зеркалом, и с компьютерным прищуром склоняя голову то в одну, то в другую сторону прикладывал новый коричневый галстук к одной из своих серых рубашек. На работу Валера ездил на трамвае, считая этот вид транспорта самым европейским и самым экологичным. Частенько опаздывая он бежал сняв перчатки широко размахивая ими. Забегал по ступенькам, а его компьютерный чехол прыгал на бедре, будто там был вовсе не компьютер. В лифте он ещё не снимал наушников, но уже делал вид, что слышит все разговоры.

Вместо приветствия Валера обычно отпускал что-нибудь вроде:

— Проснулся в пять утра, этот хорёк мне ноги царапал...

Хорьком Валера называл ребёнка. Мы не знали и почему-то никогда не уточняли, какого пола его ребёнок, но жену Валера иногда упоминал, снимая обручальное кольцо за обедом. Так ему почему-то было удобнее доставать из компьютерного чехла свои котлеты и маргарин.

Мы уже знали, что Валера, несмотря на свою молодость, в прошлом был осеменителем. Возможно, привычка снимать кольцо брала начало именно оттуда. Но мы никак не могли понять, ради чего он выбрал эту профессию? Да, по тем временам ему не плохо платили, но все же девяносто процентов из тех двадцати восьми тысяч в день забирал тот его начальник, который стоял поодаль, и о котором Валера до сих пор так ностальгически отзывался. Да ведь все-таки относительно неплохо платили ему по тем временам. Он рассказывал и показывал нам, как он надевал перчатку на пол тела.

— Одеваешь сначала как обычную перчатку, потом на локоть... ну где-то так на плечо..

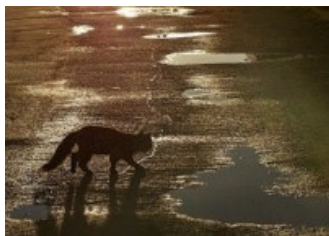
Валера перебирал при этом пальцами и подергивал бровями, как будто вспоминал все нюансы.

— Вот так — протягиваешь руку, находишь между складками... потом чуть вниз и готово. А? Что? Да, пятнадцать минут на корову.

Потом даёшь корове понюхать и всё, она прибалдела. Гормоны... — смеялся Валера.

Скорее всего, Валера просчитал выбор такой профессии. Уже в девятом классе, когда начались увольнения по русским фамилиям, Валера по собственному решению перешёл в эстонскую гимназию и принял перемены в стране как должное. Скорее всего, так же взвешенно он поступил и при выборе профессии. Читая газету одной из партий, он ревностно оглядывался по сторонам, стараясь уловить отношение присутствующих, и если ему это удавалось, он отпускал что-то вроде: "Да! А что ещё они могут написать, конечно ..." Валера называл себя русскоязычным эстонцем, хотя, что он имел под этим ввиду никто не хотел спрашивать.

— Ох! А вот и новая книга Веллера! - обрадовался Валера увидев на обеденном столе флайер одного книжного магазина. Я понял, чем он будет завтра заниматься. Что ж, оставим его под светом любимого торшера, мы, кажется, уже вполне наобщались с Валерой и так хочется на свежий воздух!

ТАМ ГДЕ СОСНЫ РАСТУТ, СКЛОНИВШИСЬ К ЗЕМЛЕ

1

Мы шли по улицам казавшегося простуженным города, кругом были лёд и снег, и грязь, и спешащие автомобили, и людская круговерть — но в небе над всем этим — спасительные окошки синевы в стене серых туч, и пробивались оттуда лучи солнца, согревавшие наши замёрзшие души, так уставшие за зиму от нескончаемой серости мира. Я рассказывал ей о фильме «Игла» — посматривая то на небо, то — украдкой — на неё, удивляясь каждый раз тому, как солнечные лучики вплетаются в её тёмные волосы, и как смотрит она по сторонам — таким мечтательным взором, будто видит что-то совсем иное, нежели я. Это была та девушка, к присутствию которой рядом с тобой невозможно привыкнуть — всё кажется, что это какое-то чудесное видение, фантазия, которая может исчезнуть, стоит лишь отвернуться — но всё же вновь и вновь с радостью убеждаешься, что она здесь и всё это — прогулка, разговор — на самом деле.

— Вот! — воскликнула она, устремившись к двери полуподвального помещения с невзрачной вывеской «БУКИНИСТИЧЕСКИЙ МАГАЗИН».

Через мгновение мы уже были внутри, среди тысяч старых книг, теснившихся в нетерпеливом ожидании на полках.

2

Мережковский, Шекспир (нет повести печальнее на свете... — подумал я), «Мёртвые души»... так, «Гербы республик СССР»...

— Дим! — услышал я.

Обернувшись, я увидел в её руке небольшую книжку в жёлтой обложке, она протягивала её мне не глядя, сама изучая корешки книг на полке.

Уже в этот момент появилось предчувствие чего-то необычного.

— Что это? — я взял книгу, посмотрел на обложку:

МИР ЗЕМЛЕ
сборник
научно-фантастических
произведений

Под названием — вид Земли из космоса, и на этом фоне — три белых цветка, простеньких, весенних, вроде ландышей. И ниже:

Издательство «Мир» Москва

Чувство удивительного усилилось — что-то знакомое было в этой обложке, в названии, в рисунке, казалось, когда-то я уже держал её в руках ... не может быть! Я торопливо открыл оглавление, пробежал глазами — да! Вот оно: «Линкор смерти», вот ещё — «Ржавчина»... Это та самая книга!

Я поднял глаза — Саши рядом уже не было, заглянул за стеллаж — она преспокойно листала какую-то книгу.

— Саш, ты знаешь, — я подошёл к ней — эта книга... Я читал её... в детстве, когда был на море, брал там в библиотеке, и как раз недавно она мне почему-то вспомнилась, ещё думал — если выберусь как-нибудь туда съездить — пойти взять её, в библиотеке... Слушай, как ты вообще ..?

Она скосила глаза на меня и улыбнулась:

— Интуиция! — с таким видом, как будто это для неё вообще-то совершенно обычное дело — взять и протянуть тебе первую попавшуюся книгу, которая окажется...

— Надо обязательно её купить! — сказал я, вертя книжку в руках, разглядывая со всех сторон, как будто ещё не веря, что это действительно она.

3

Я пытался читать, но строчки убегали куда-то, я перелистывал страницы, с которых на меня смотрели звёзды августа, зелёные яблоки в саду, утренняя холодная роса в траве, по которой бежишь босиком, закат над морем — в нём были и паруса облаков на горизонте, и музыка набегавших на берег волн и ветра, носящего крики чаек, и чувство вечности, детская вера в бесконечность жизни, бессмертие.

Не знаю, почему из многих книг, что я брал почитать в библиотеке небольшого приморского городка, мне так запомнилась именно эта.

Может быть, потому, что то лето было последним — с тех пор я ни разу не был на море. Не знаю, во всяком случае, я помнил очень ярко — как читал её в комнате на втором этаже деревянного дома, прятавшегося в небольшом саду на окраине города. Как заглядывало солнце в окно, деля страницу на две части, как потом вечером пошёл дождь и вдруг погас свет во всём доме — и я вышел на крыльцо и смотрел как идёт ливень по тёмному полю, лежащему за домом, и слушал шум листвы яблонь, с которых ветер срывал яблоки и те с глухим стуком падали на землю.

Каждый раз, когда вдруг приходили воспоминания о тех поездках на море, я думал, что надо обязательно съездить туда снова, и уж просто необходимым казалось мне пойти в библиотеку и найти эту книгу — хоть я и не помнил её названия, я был уверен, что узнаю её сразу же, только увидев. Но почему-то никак не удавалось — каждое лето находились какие-то причины отложить поездку на следующий год. А в следующем... Может, я боялся разочарования — столько лет прошло, и там, в этом городке, наверное уже слишком многое изменилось. И вдруг всё то, что было, запечатлённое детским взором и живущее в моей памяти, пропадёт, когда я посмотрю нынешними глазами? Одним словом, я всё не ехал.

И вот теперь, теперь книга лежала передо мной, и стоило лишь открыть её на любой странице, наугад — из разворота тотчас вырастало дерево воспоминаний, на котором каждый листочек — это какой-то день из детства, и все они светились солнечным теплом и тихонько трепетали от ветра, и в этом их шелесте слышался неведомый, зовущий меня голос... Это были не воспоминания даже, а скорее мечты, такие неуловимые детские мечты — и я чувствовал, что всё это осталось во мне и никуда не делось. Вот такая это была чудесная книга.

Я выключил свет. В окне летели в тёмном небе белые облака. И это были не просто облака — я знал, что это корабли людских снов, уносящие их куда-то далеко, в волшебную страну. Глядя на их бег, я вспомнил моё незаконченное стихотворение:

О скитаниях вечных и о Земле
Алый парус мне пел на мечты корабле
И осенний космос таился в саду
Где бездонный колодец видит звезду...

И сама собой пришла в голову ещё одна строчка —

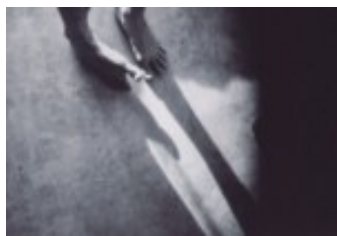
Там где сосны растут, склонившись к земле...

Да, надо будет закончить так, с повтором:

Там где сосны растут, склонившись к земле
Алый парус мне пел на мечты корабли...

Закрывая глаза, я видел... Нет, не то чтобы видел — я был там, десятилетним мальчишкой я шёл по ведущей к морю асфальтовой дорожке, усыпанной сосновыми иглами, через лес, где деревья растут под углом к земле из-за никогда не стихающего ветра. И впереди, оглядываясь с улыбкой на меня, шла в летящем белом платье она — добрая волшебница, подарившая мне кусочек детства.

7/III 2010

КОНЕЦ ОСЕНИ
ИЛИ АПОКАЛИПСИС

Обугленные стволы.
И лужи хрустят, разбиты.
И в окнах грустят закрытых.
Дороги пусты, голы.

Ушло и уходит время,
Пропало и чувство меры
И людям, и Богу веры.
Ошибок и разума бремя.

До ночи часы сочтены,
Мечтаем, что хватит света.
Не звёзды — снежинки это
Сияют в лучах луны.

Трагедии в мире ждут,
Глаза закрывая крестом.
Но потные стекла лгут.
К зиме привыкнем потом.

Забудем осенние стоны,
Заплатим сполна за беспечность.
Познаем другие законы,
Сохраняя лишь Человечность.

РОССИЯ

По горам, степям галопом,
Отбивая кровососов,
Волоча и пол-Европы,
Сотни лет бежит за Солнцем.

А уже петля на шее,
И болят, гноятся раны.
Убегать она не стала —
Мчится к свету всё быстрее.

И в лучах сияет грива.
Только бы не оступиться!
К жизни и добру стремиться!
Лишь оно тепло, красиво.

Для неё готовят яму,
Ставят сети, травят ядом.
Но она, сильна, упряма,
Будет жить — ведь Солнце рядом!

СЧАСТЬЕ

Счастье — жить для всех детей,
Этот мир готовить сыну,
Чтобы множество путей
Было правильных к вершинам.

За их жизнь, судьбу бороться,
Всех, рождённых, нерождённых,
Чтобы Совесть стала солнцем
Для уставших, побеждённых.

Стать любимой, мамой, другом,
Верить людям, жить трудясь.
О грядущем без испуга
Думать, правды не стыдясь.

ДЫМ

Вместе с тьмой и вечерним холодом
Он заполнил пространство города
И прохожих пугает редких,
Дым тяжёлый, пахучий, едкий.

Осень шепчет из шубы лисьей:
«Люди лгут, что сжигают листья,
Я могу доказать огнём —
Нет фенолов в костре моем».

В этот тяжкий и мрачный вечер,
Друг, не жди ни луны, ни встречи.
В нашем мире такие нравы,
Что виновные будут правы.

Глас наш тих и почти не слышен,
Ещё тише закона слово.
Каждый раз удивляюсь снова,
Что мы дышим и чем мы дышим.

СИНИЦА

Стучит в окно синица,
Играет светом снег.
Дитя в семье родится
И в двадцать первый век.

Вот поднята головка.
Ползёт пока неловко.
А в мире против детства
Подыскивают средства.

Растёт моя Надежда,
Встречает всех улыбкой.
Исправим неизбежно
В грядущем все ошибки.

И в двадцать первый век
Дитя в семье родится!
Растает скоро снег
И улетит синица.

ТРИДЦАТОЕ ЯНВАРЯ

Ни слова о любви, о нас.
Пылится календарь.
Часы показывают час
И песня льётся вдаль.

И шторы в солнечных лучах,
Решётки тени.
Три сердца здесь уже стучат.
Синицы прилетели.

РОЖДЕНИЕ СЕМЬИ

Рождается их семья —
Сплетаются две руки.
Сливаются две реки.
Течёт к струе струя.

Меандры их ждут и пороги,
За плёсами их перекаты.
В любви и нежны и строги,
Обижены и виноваты.

Терпимее станут, чище,
Сильнее и человечней.
Покоя и счастья ищут
В слиянии бесконечном.

ВСТРЕЧА

Капля сердца из давней раны
Горькой болью в глазах, ладонях
Жгла восторгом, блаженством стала.
Как безумство, покой в общем горе.

Жадно каплю впитала кожа —
Эти раны уже знакомы,
Эти стоны святыя тоже.
Будем жить по другим законам!

А мы можем вдвоём немало:
Цель известна, плечо — опора,
Сила чувства. Долой усталость,
Лень, сомненья, пустые споры!

Пусть открыть глаза невозможно,
Побредём, натываясь на стены.
Единичное счастье подло, низко, ничтожно-
Нервы, зубы и вскрытые вены!

Что мы можем и что нам нужно?
Взявшись за руки, ищем путь.
Это страшно, мучительно трудно,
Но ужасней опять уснуть.

СКАЗКА

Невидимый, дикий, смотрел на жизнь,
Скулил и ночью выл на Луну.
Стареющий, злой, мечтал эгоист
С небес достать для себя звезду.

Подпрыгнул повыше, когтями содрал,
И, крепко вцепившись, спрятал.
Но гибла звезда, свет её угасал,
Остыла, покрылась пятнами.

Он в гневе разбил её, выкинув прочь.
Осколки рассыпались фейерверком,
Горели, мечтой обжигали ночь
И падали болью в живое сердце.

Пусть на ладони звезда испепеляет кожу,
Но для всех, человечным, живым огнём!
Даже вырвать из сердца осколок можно!
Только трудно не стать без него дикарём!

КРЫЛЬЯ

Взмахом крыльев вскружить мечты,
Петь и слышать другие песни!
Как прекрасен наш мир с высоты!
Это счастье — полёт в Поднебесье!

... Облака отражаются в луже,
В небе звезды от боли тают —
Избавляюсь от перьев ненужных...
Но, разбившись о камни, взлетают,

Позабыв о земных мгновеньях,
Становясь все сильнее и легче,
Поднимая друзей с коленей —
Всех с трудом расправляющих плечи!

ОСЕННЕЕ

Легко отпуская страницы
Поживших листьев
И пыль очистив,
Природа к зиме стремится.

Буреют воспоминания,
Их шёпот умрёт и краски.
Начнутся иные сказки
Другие мечты, желания.

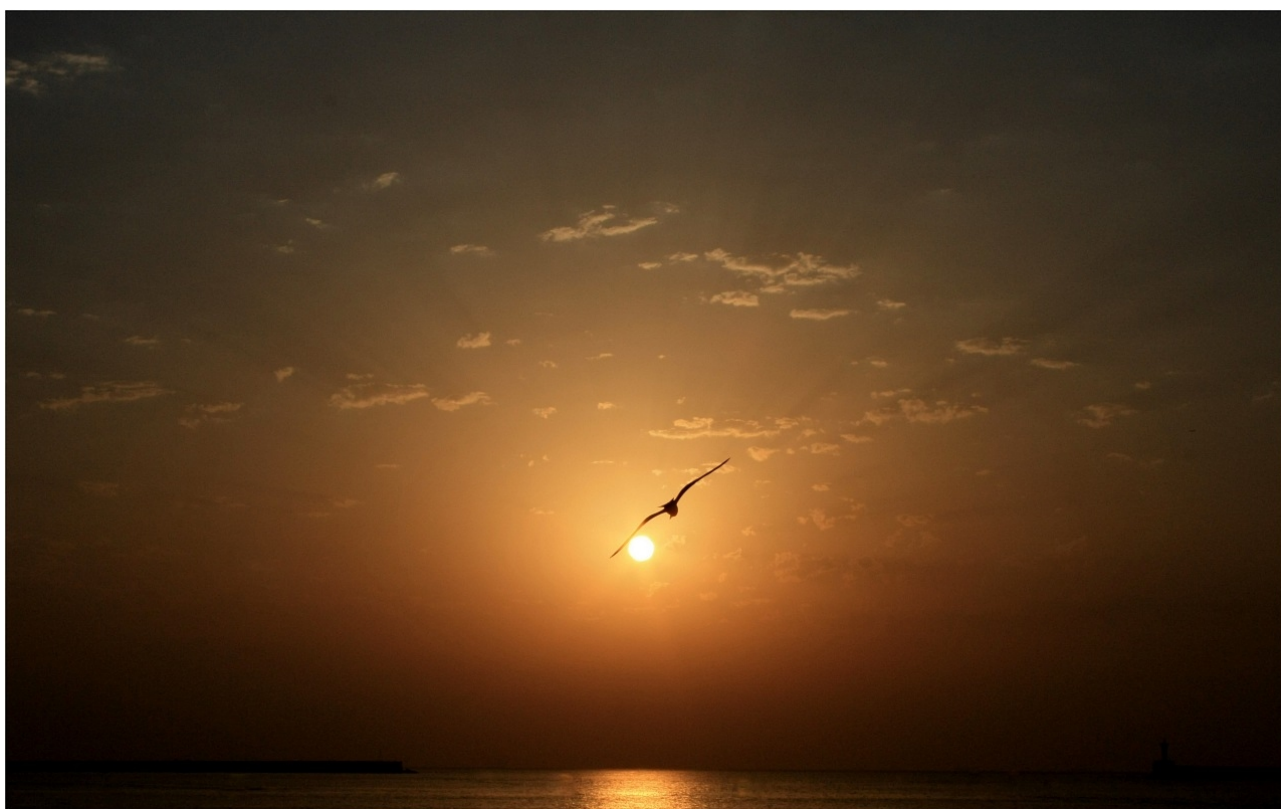
Растает затем зима
Без страха и сожаления.
Запомнив все изменения,
На ветках растут тома.

литературно-художественный интернет-журнал
выходит 6 раз в год (в конце каждого чётного месяца)

связь с редакцией: **zelenoe-utro@yandex.ru**

«Умиротворение»
Алексей Пирязев

«Джонатан»
Алексей Пирязев

литературно-
художественное
издание

февраль 2011

зелёное утро